

Но как же все-таки выглядел философский камень, чудесный и живой агент металлических трансмутаций?

На первый взгляд кажется, что свидетельства адептов расходятся[24]. Согласно Беригарду Пизанскому (он говорил о порошке проекции, полученном от неизвестного ему адепта, совершившего проекцию, превращение, прямо у него на глазах), философский камень имел запах кальцинированной морской соли и цвет дикого мака («*Colore pop absimilis flore papaveris sylvestris odore vero sal marinum adnatum referens*»[25]).

Согласно Раймонду Луллию, философский камень имеет цвет красного рубина (отсюда термин русификация, которым обозначается завершающая фаза метаморфоз, происходящих с первичной материей) или карбункула (по-латыни *carbunculus*). Этот камень мудрых обладает свойством светиться в темноте.

Калид же, еще раньше вышеупомянутых двух алхимиков, писал: «Этот камень объединяет в себе все цвета. Он - белый, красный, желтый, небесно-голубой, зеленый».

Следует различать три формы философского камня. Прежде всего его великолепное, славное состояние, в котором он является, когда алхимик наконец, после стольких трудов и бдений, зачастую напрасных, изумленно видит «чудесный минерал», внезапно озаряющий всю лабораторию необычайно ярким светом.

Свидетельства о форме философского камня также могут не совпадать в различных алхимических текстах. Одни из них позволяют представить его как некую полутвердую - полужидкую субстанцию, быстро кристаллизующуюся в реторте или тигле. Другие свидетельствуют о философском камне как имеющем замечательную форму многогранника (как правило, икосаэдра), излучающего то ослепительно белый свет (ведь он включает в себе все прочие цвета), то ярко-красный, а то и блистательный фейерверк разнообразных цветовых оттенков.

Однако потом можно приготовить из философского камня его жидкую форму, эликсир, обладающий чудодейственными лечебными свойствами.

Философский камень мог также принимать и порошкообразную форму, называвшуюся порошком проекции. Точнее говоря, он принимал две последовательные формы: в случае успешного завершения Малого Делания, или малого магистерия, получался белый порошок, способный превращать простые металлы в серебро, а затем, после успешного осуществления Великого Делания, появлялся красный порошок, способный привести к триумфальной цели - превращению в золото свинца или ртути.

Если профанам строго запрещалось наблюдать за последовательностью операций - с самого начала до триумфального их завершения - Великого Делания в лаборатории, то позднее адепт мог, если считал это необходимым, использовать порошок проекции для публичных демонстраций превращения простых металлов в золото, дабы убедить скептиков. Некоторые адепты с этой целью даже давали небольшое количество порошка проекции тем или иным избранным лицам.

Титул адепта традиционно должен был присваиваться (вопреки широко распространенной практике использования его для обозначения настоящих алхимиков, дабы противопоставить их вульгарным суфлерам-эмпирикам) алхимику, преуспевшему в реализации Великого минерального Делания.

Алхимические трансмутации в собственном смысле этого слова не следовало бы смешивать с более скромными манипуляциями, которые хотя и обнаруживали владение техникой трансмутации, однако имели своей целью лишь получение незначительного количества (порядка нескольких граммов) благородного металла. Напротив, отличительной особенностью подлинной алхимической трансмутации являлась ее способность превратить в благородный металл очень большое количество свинца или другого «простого» металла: говорили, что таким способом благодаря порошку проекции можно было осуществить подлинное умножение «зародыша» золота.